

Новые сведения об иностранцах в Москве XVI-XVII вв. // Древняя Русь и Запад. М., 1996. С. 151-153.

Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII-XVII вв. М.: ИА РАН, 1996. - 563 с., ил.

Рец.: Шокарев С.Ю. // ЛИРО. Вып. 4-5 (48-49). М., 1997. С. 177-178; Шокарев С.Ю. // АЕ-1997. М., 1998. С. 368-371; Молчанов А.А. // РА. 1998. № 4. С. 218-221; Черносивтов П.Ю. // Человек. 1999. № 3. С. 186-188; Попович Д. // Старинар. Кн. 51. Београд, 2001. С. 197-199.

Лицензиат при дворе Иоанна Грозного (Надгробие Каспара фон Эльферфельдта на древнейшем кладбище иноземцев в Москве) // РА. 1997. № 1. С. 140-150.

Проблема христианского и языческого в погребальном обряде средневековой Москвы: Семантические элементы надгробий XIII-XIV вв. // Истоки русской культуры: Археология и лингвистика. М., 1997. С. 30-46.

Аверкия Иерапольского эпитафия // ПЭ. Т. I. М., 2000. 131-133.

Древнерусское надгробие в контексте христианской культуры // Вестник РГНФ. 2000. № 3. С. 71-82.

Маркировка древнерусского кирпича как культурно-историческое явление // София. Сборник статей к 70-летию А.И. Комеча. М., 2006. С. 67-88.

Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // РСН-1. М., 2006. С. 7-30.

Информационная система поиска для корпуса русских средневековых надгробий // РСН-1. М., 2006. С. 301-307. В соавторстве с Г.П. Беспаловой.

Монастырский некрополь XVI-XVII вв. Плиты из Зачатьевского монастыря // РСН-1. М., 2006. С. 37-43. В соавторстве с Н.А. Кренке.

Надгробие в археологическом контексте. Плиты из церкви Николы в Старом Ваганькове // РСН-1. М., 2006. В соавторстве с Е.Л. Хворостовой.

Лапидарная эпиграфика Москвы XV-XVII вв.: Современные проблемы // РА. 2007. № 1. С. 133-142.

О датах смерти Е.Ф. Пожарской и В.П. Пожарского: Эпиграфический комментарий // РА. 2009. № 1. С. 162-165.

Интервью с Л.А. Беляевым

Интервью брал А. Г. Авдеев

Что повлияло на Ваш интерес к эпиграфике?

Во-первых, практическая необходимость читать тексты русских средневековых надгробий в 1980-х гг. и аналогичный материал Западной Европы вплоть до эпохи Ренессанса. А уже если начал разбирать надписи, то остановиться практически невозможно, это увлекательней детективов.

Во-вторых, в 1990-х годах, в период подготовки монографий по сравнительной истории религиозных древностей в Восточном Средиземноморье, мой интерес поддержало знакомство с работами классиков, включавших не только античные раннехристианские надписи, но и лапидарную эпиграфику сиро-палестинского региона эпохи эллинизма, остраконы и многое другое.

Чем, на Ваш взгляд, интересны эпиграфические источники?

Как всякий продукт человеческой деятельности, они — слепок со всей жизни общества в данную минуту и в данном месте. Так что потенциально они содержат безграничную информацию (начиная с ответов на «простые» вопросы о датах, именах, местностях). Проще было бы ответить, чем они неинтересны. Ведь любые достоинства — обратная сторона недостатков. Текст, то есть возможность погрузиться сразу в мир понятий, да еще и в конкретную языковую среду, миновать опосредованный контакт археологического типа — это и огромное преимущество, и большая опасность. Во всяком случае, для людей, изучающих материальную культуру; — для археологов. Прямой словесный (пусть односторонний) контакт с теми, кто оставил надпись — это уже из другой области, это не совсем археология (даже если брать в широком смысле слова). Не успел столкнуться с надписью — и ты почти уже вне контекста визуальной культуры, уже в области изречений. А мысль изреченная есть ложь.

Какие самые выдающиеся эпиграфисты, с трудами которых Вам приходилось работать?

В области раннемосковской эпиграфики ответить просто, все имена известны — В.Б. Гиршберг, В.Н. Щепкин, затем А.И. Соболевский, Н.П. Лихачев. Если считать берестяные грамоты эпиграфикой, — то, конечно, необходимо назвать всех, кто работает с их чтением, начиная с А.В. Арциховского. По ранней христианской эпиграфики назову, прежде всего, католических

«стариков» — Де Росси, например (они, если и фантазировали, то в основном из-за малой развитости тогда археологии, она оставляла эпиграфиста одного в непроверяемом пространстве), затем У. Рамси, У.М. Калдера и более ранних, кто больше копировал, чем анализировал (Якоба Спона, Августа Бёка). Впрочем, все это наши читатели знают лучше, ведь я типичный «автодидакт», эпиграфику специально не изучал (о чем часто жалею) и профессиональным эпиграфистом себя не считаю.

Какие самые «выдающиеся» надписи, с которыми Вы работали?

Мне трудно что-то выделить, надписи древнерусских надгробий очень формализованы (это известно всем нашим коллегам). Думаю, самые интересные те, которые были самыми трудными, но их все-таки удалось прочитать. Или те, что содержат неожиданные, выпадающие из формуляра слова. Пожалуй, интересны и те, которых мы еще не видели и не читали — например, было бы интересно найти латинскую надпись на мраморной доске над погребением Василия Шуйского, которая когда-то была сделана в Варшаве в память его «пленения», а затем перевезена в Москву и, наконец, судя по некоторым источникам, закопана где-то в Кремле. А из того, что случилось опубликовать, выделю разве что надгробие Каспара Эльферфельдта, действительно во многих отношениях необычный, «гибридный» русско-европейский памятник XVI века, который к тому же оказался важен для сопоставления с другими письменными источниками (например, рассказами Генриха Штадена) и даже с топографией средневековой Москвы.

Как бы Вы определили достижения и проблемы в изучении древнерусского надгробия?

Главное достижение — мы перестаем относиться к надписям просто как к источнику генеалогической информации и переходим к более сложным формам анализа, а с другой стороны — все внимательнее исследуем «технические» граффити, начали работать над общим каталогом упоминаний в надгробных надписях.

Главная проблема для нас, думаю, понять, что слышали средневековые люди за текстом надписи на плите. Они ведь не очень-то щедры на эмоции. О спорах вокруг этого скрытого смысла (сводимых, впрочем, к вопросу о функции надписи и самого надгробия) можно прочесть в моей статье в № 1 «Российской археологии» за 2007 год, и в изданном в 2006 г сборнике «Русское средневековое надгробие», где были опубликованы статья С. Франк-

лина и наши с В. И. Вишневым «реакции» на нее. Меня сейчас, впрочем, больше занимает проблема надписей на крышках саркофагов царских семей в кремлевских некрополях: они часто гораздо многословнее и подробнее описывают ранг покойного и «хронометраж смерти», чем надписи на «рядовых» плитах. А, собственно, почему? Вряд ли москвичи рассчитывали, что из людей кто-то эти саркофаги увидит, вряд ли ждали наших раскопок; выским же силам все это ведомо и без надписи.

Есть и служебная проблема: отсутствует полный палеографический справочник, который ваш покорный слуга много лет уже готовит, да все никак не приготовит.

Эпиграфика — специальная или вспомогательная историческая дисциплина?

Это очень искусственное и совсем неинтересное разделение. Все зависит от того, как подходит к надписям исследователь. Один воспринимает их как вспомогательное средство для неких «общеисторических» выводов (обычно тогда речь идет только о содержании, в лучшем случае дело доходит до текстологического анализа, в остальных — подход еще поверхностней). Другой способен делать эти самые выводы непосредственно, приемами эпиграфического анализа, не выходя за рамки того, что дает сам надпись (причем не только текст, но и палеография, и материал носителя, и средства нанесения, и контекст обнаружения носителя, и многое другое).

Что можно пожелать или посоветовать молодым специалистам—эпиграфистам?

Нечего им желать. Если они любят и умеют читать надписи — остается только завидовать. А из умений — ну, можно пожелать учить языки, побольше и поглубже. И меньше фантазировать в чтениях и интерпретациях. Вообще, помнить слова ориенталиста и византиниста Я. И. Смирнова:

«Археолог должен построить свои заключения исключительно на вещественных памятниках, не справляясь в первой стадии своей работы с показаниями истории письменной, так как преждевременное желание согласовать данные вещественные с данными летописными приводит обыкновенно лишь к сугобо ложным заключениям. Как в собственных своих хронологических построениях археологу должно быть крайне осторожным и осмотрительным, так надо ему избегать и слепой веры в новейшие построения историков литературы, критически разбирать которые — дело не его специальности».